

Радиевые девушки. Скандальное дело работниц фабрик, получивших дозу радиации от новомодной светящейся краски

Автор:

[Кейт Мур](#)

Радиевые девушки. Скандальное дело работниц фабрик, получивших дозу радиации от новомодной светящейся краски

Кейт Мур

Люди редких профессий. Невыдуманные истории о своей работе

В США во время Первой мировой войны радиевую краску использовали для изготовления светящихся циферблатов армейских часов. Тысячи девушек раскрашивали стрелки и цифры – это была простая, но престижная работа (и помощь солдатам) с высокой оплатой труда. Фабричные работницы облизывали кисточки, чтобы заостренным кончиком точнее наносить краску на циферблаты и мелкие детали. Страшно представить, сколько радиация таким образом попадало в их организм! Помимо этого, ради шутки они подкрашивали себе ногти и зубы, чтобы похвастаться перед друзьями и родственниками. Никто не мог себе даже представить, что такая перспективная работа вкупе с искренним желанием помочь солдатам в военные годы приведет к страшной трагедии, которая впоследствии вызовет огромный общественный резонанс и забастовки. Смелость и упорство молодых девушек привели к изменению стандартов охраны труда, исследованиям в области производства атомных бомб и спасению тысяч жизней.

Кейт Мур

Радиевые девушки

Скандальное дело работниц фабрик, получивших дозу радиации от новомодной светящейся краски

© Иван Чорный, перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Кейт Мур живо рисует образ работниц промышленности, своим упорством добившихся революции в правилах техники безопасности на производстве. Описывая их душераздирающие трудности и горько-сладкие победы, Мур создает наглядный портрет этих первопроходцев. Жизнеутверждающая и прекрасно написанная книга «Радиевые девушки» воспеваает силу женщин во всем мире.

Наталия Хольт, автор книги *Rise of the Rocket Girls*

Из цепляющего рассказа Мур о том, как предали радиевых девушек – изящно изложенного на основе тщательных исследований, – получилась документальная классика. Я в особенности восхищаюсь тому, как Мур соперничает своим героиням, а также ее выдающемуся литературному мастерству, оживившему позорную эпоху в истории американской промышленности.

Ринкер Бак, автор книг *The Oregon Trail* и *Flight of Passage*

Тщательно проработанный рассказ Мур написан настолько ярко и с таким соперничеством, что он оживляет этих героев и их трудности. Обязательно к прочтению всем, кто интересуется американской историей и историей женщин, а также вопросами закона, здоровья и промышленной безопасности.

Library Journal, обзор лучших книг

Подобно *The Glass Universe* Давы Собел и *Hidden Figures* Маргот ли Шеттерли книга «Радиевые девушки» Кейт Мур рассказывает о группе женщин, которые вошли в историю, устроившись на работу на пороге новой научной эпохи. Эти юные женщины – многим не было и двадцати, – научившиеся рисовать светящиеся в темноте цифры на циферблатах часов и аэронавигационных приборов, заплатили высокую цену за свое участие в прорыве, связанном со смертельно опасным химическим элементом радием. Мур проливает новый свет на эту темную главу истории американского рабочего класса; радиевые девушки, мученицы нечестивого союза науки и коммерции, снова оживают на страницах ее книги.

Меган Маршал, писатель, лауреат Пулитцеровской премии, автор биографий Маргарет Фуллер и Элизабет Бишоп

Книга «Радиевые девушки» – это чудесное и грустное чтение о невероятно отважных женщинах. Кейт Мур рассказывает их потрясающую правдивую историю трагедии и отваги перед лицом корпоративной жадности. Мы все должны знать истории этих женщин, пострадавших от отравления радием и отказавшихся молчать. Это не просто важная часть истории, а увлекательная книга, которая разобьет вам сердце и вселит мужество. Обязательно к прочтению.

Рэйчел Игнатовски, автор книги *Women in Science*

Душераздирающая... Эта книга блестяще иллюстрирует, как непросто бороться за правду против больших корпораций... [История о радиевых девушках] является ужасным примером вопиющей несправедливости.

Радиостанция BBC Radio 4, передача *Woman's Hour*

В этой захватывающей и тщательно созданной книге Кейт Мур рассказывает шокирующую историю о том, как правовая и корпоративная системы Америки начала двадцатого века пытались заткнуть десятки женщин-рабочих, систематически подвергавшихся отравлению радиацией... Мур [пишет]

настолько лирично.

Mail on Sunday

От этой книги просто не оторваться! «Радиевые девушки» Кейт Мур – это эффектная, будоражащая, важная история.

Карен Аббот, популярный писатель

Увлекательная история общества, размышляющая о классовой и гендерной принадлежности ее участников... Нельзя недооценить важность отважных и пораженных болезнью женщин, раскрашивавших циферблаты.

Sunday Times

Книга «Радиевые девушки» – это шокирующая, душераздирающая история о корпоративной жадности и отрицании, а также о силе человеческого духа перед их лицом. Она прославляет этих женщин, которые невольно пожертвовали своими жизнями, однако их стойкость и нежелание молчать говорят с нами из могил. Это рассказ для современников.

Питер Старк, автор книги Astoria: John Jacob Astor and Thomas Jefferson's Lost Pacific Empire

Посвящается всем, кто раскрашивал циферблаты. А также тем, кто их любил

Я никогда не забуду тебя

Сердца, что знают, любят тебя

И губы, что заставляли тебя смеяться

Сгнули в жизни, полной скорби и роз

В поисках мечты, потерянной ими

В далеком от твоих стен мире

Школьный альбом, Оттава, 1925

Перечень ключевых персонажей

Ньюарк и Нью-Джерси

Красильщицы циферблатов

Альбина Маггия Ларис

Амелия «Молли» Маггия, сестра Альбины Маггия Ларис

Эдна Больц Хассман

Элеонор «Элла» Экерт

Женевьев Смит, сестра Джозефины Смит

Грейс Фрайер

Хейзел Винсент Кузер

Хелен Куинлан

Ирен Корби Ла Порт

Ирен Рудольф, двоюродная сестра Кэтрин Шааб

Джейн «Дженни» Стокер

Джозефина Смит, сестра Женевьев Смит

Кэтрин Шааб, двоюродная сестра Ирен Рудольф

Мэй Кабберли Кэнфилд, инструктор

Маргарита Карлоу, сестра Сары Карлоу Майлефер

Кинта Маггия Макдональд, сестра Альбины и Амелии

Сара Карлоу Майлефер, сестра Маргариты Карлоу

Корпорация United States Radium

Анна Руни, бригадирша

Артур Роедер, финансовый директор

Кларенс Б. Ли, вице-президент

Эдвин Лиман, старший химик

Джордж Уиллис, сооснователь компании совместно с Забином фон Зохоки

Гарольд Вьедт, вице-президент

Говард Баркер, химик и вице-президент

Забин фон Зохоки, основатель и изобретатель краски

Мистер Савой, управляющий студией

Врачи

Доктор Фрэнсис Маккаффри, специалист из Нью-Йорка, лечивший Грейс Фрайер

Доктор Фредерик Флинн, корпоративный врач

Доктор Гаррисон Мартланд, врач из Ньюарка

Доктор Джеймс Эвинг, доктор Ллойд Кравер, доктор Эдвард Крамбар, врачи из комиссии

Доктор Джозеф Кнеф, доктор Уолтер Барри, доктор Джеймс Дэвидсон, местные стоматологи

Доктор Роберт Хамфрис, врач в ортопедической больнице Оранджа

Доктор Теодор Блум, стоматолог из Нью-Йорка

Участники расследования

Доктор Алиса Гамильтон, Гарвардская школа здравоохранения, коллега Сисла Дринкера, сотрудничала с Кэтрин Уайли

Эндрю Макбрид, руководитель Департамента труда

Доктор Сисл К. Дринкер, профессор физиологии в Гарвардской школе здравоохранения, муж Кэтрин Дринкер

Этельберт Стюарт, руководитель Бюро трудовой статистики, Вашингтон

Доктор Фредерик Хоффман, ведущий исследование статистик, страховая компания Prudential

Джон Роач, заместитель руководителя Департамента труда

Доктор Кэтрин Дринкер, Гарвардская школа здравоохранения, жена Сисла Дринкера

Кэтрин Уайли, исполнительный директор Союза потребителей, Нью-Джерси

Ленор Янг, санитарный инспектор Оранджа

Свен Кьяер, национальный следователь из Бюро трудовой статистики, Вашингтон

Доктор Мартин Шаматольски, химик, консультирующий департамент труда

Оттава, штат Иллинойс

Красильщицы циферблатов

Кэтрин Вольф Донохью

Шарлотта Невинс Перселл

Фрэнсис Глачински О'Коннел, сестра Маргариты Глачински

Хелен Манч

Инез Коркоран Валла

Маргарет «Пег» Луни

Маргарита Глачински, сестра Фрэнсис Глачински О'Коннел

Мэри Бекер Росситер

Мэри Даффи Робинсон

Мэри Эллен «Элла» Круз

Мэри Вичини Тониэли

Оливия Вест Витт

Перл Пэйн

Компания Radium Dial

Джозеф Келли, президент

Лотти Мюррей, главный управляющий

Мерседес Рид, инструктор, жена Руфуса Рида

Руфус Фордис, вице-президент

Руфус Рид, помощник старшего управляющего, муж Мерседес Рид

Уильям Ганли, исполнительный директор

Врачи

Доктор Чарльз Лоффлер, врач из Чикаго

Доктор Лоуренс Данн, врач Кэтрин Донохью

Доктор Сидни Вейнер, рентгенолог

Доктор Уолтер Далич, специалист-стоматолог

Аббревиатуры

ЦРЧ – Архив проекта по изучению последствий воздействия внутренней радиации на здоровье. Центр радиобиологии человека, Аргоннская национальная лаборатория. Национальные архивы в Чикаго.

НМР – Документы Гаррисона Мартланда, библиотека здравоохранения Джорджа Ф. Смита, Ратгерский университет, Ньюарк.

РРС – Собрание Перл Пэйн, историческое сообщество и музей округа Ла-Саль, Ютика, Иллинойс

RBP – Документы Раймонда Берри, библиотека Конгресса, Вашингтон, округ Колумбия.

АЛ – Альбина Маггия Ларис

КД – Кэтрин Вольф Донохью

ШП – Шарлотта Невинс Перселл

ЭХ – Эдна Больц Хассман

ГФ – Грейс Фрайер

КШ – Кэтрин Шааб

МР – Мэри Бэкер Росситер

ПП – Перл Пэйн

КМ – Кинта Маггия Макдональд

ЗЗ – Забин фон Зохоки

NCL – Национальный союз потребителей

USRC – корпорация United States Radium

Пролог

Париж, Франция

– 1901 год—

Ученый напрочь забыл про радий. Металл был спрятан между складками кармана его жилета в тоненькой герметичной трубке в настолько маленьком количестве, что ученый даже не чувствовал его веса. Ему предстояло прочитать лекцию в Лондоне, и склянка с радием оставалась в этом потайном кармане на протяжении всего его путешествия через море.

Он был одним из немногих обладателей радия во всем мире. Открытый в декабре 1898 года Пьером и Марией Кюри радий было настолько сложно получить из его источника, что во всем мире накопилось лишь несколько грамм этого вещества. Ученому повезло: Кюри дали ему ничтожное количество радия, чтобы он использовал его для своих лекций, – у них самих вещества едва хватало для продолжения экспериментов.

Тем не менее такое ограничение никак не повлияло на дальнейший прогресс исследований супругов. Каждый день они узнавали об открытом элементе что-то новое: «Он оставил отпечаток на фотографических пластинках через сажевую бумагу, – писала позже дочка Кюри, – он разъедал и постепенно превращал в порошок бумагу или вату, в которую она была завернута... чего он не мог?» Мария называла его «мой прекрасный радий» – и он действительно был таким.

Глубоко в темном кармане ученого радий нарушал мрак постоянным, жутким сиянием. «Это мерцание, – писала Мария о люминесцентном эффекте радия, – казалось зависшим в темноте [и] наполняло нас совершенно новыми эмоциями и волшебством».

Волшебство... оно подразумевает некое колдовство, чуть ли не сверхъестественные силы. Неудивительно, что начальник медицинской службы США сказал про радий, что «он напоминает одно из мифологических сверхсуществ». Один английский врач называл его чудовищную радиоактивность «неизвестным богом».

Итак, хотя этот ученый уже и не помнил про радий, радий про него не забыл. Пока он направлялся к чужому берегу, каждую секунду его путешествия радий испускал свои мощные лучи в его бледную, мягкую кожу. Прошли дни, и ученый с удивлением обнаружил у себя на животе таинственное красное пятно. Оно напоминало след от ожога, однако он не помнил никакого контакта с огнем, от которого мог остаться подобный след. С каждым часом в этом месте ему становилось все больней. Пятно не увеличивалось в размерах, однако казалось, оно растет вглубь, словно тело было все еще подвержено воздействию, из-за которого эта рана образовалась, и пламя продолжало его жечь. Пятно вздулось волдырями, причиняя невыносимую боль, которая все продолжала усиливаться, а ученый пытался понять, что же могло причинить ему столько вреда без его ведома.

И вот тогда-то он и вспомнил про радий.

I

Знание

Глава 1

Ньюарк, Нью-Джерси,

Соединенные Штаты Америки

– 1917 год—

Первого февраля 1917 года Кэтрин Шааб направлялась на работу, до которой было всего четыре квартала, бойким шагом. Ей было наплевать на холод; ей всегда нравились зимние снега ее родного города. В то морозное утро, однако, приподнятое настроение у нее появилось не из-за холодной погоды: это был ее первый рабочий день на фабрике по производству циферблатных часов корпорации светящихся материалов Radium, базирующейся на Третьей улице в городе Ньюарк, штат Нью-Джерси.

Об этой вакансии ей рассказала одна из близких подруг; у Кэтрин, заводной и общительной девушки, было много друзей. Позже она вспоминала: «Одна моя подруга рассказала мне про “студию часов”, где цифры и стрелки на циферблатах раскрашивали светящейся в темноте краской. Она объяснила, что работа интересная и куда более престижная, чем обычные заводские должности». И такое простое описание звучало невероятно привлекательно – в конце концов, это была даже не фабрика, а «студия». Для Кэтрин, девушки «с очень богатым воображением», это место казалось одним из тех, где может произойти что угодно. Оно определенно было лучше ее предыдущей работы, на которой она упаковывала товар в универмаге. У Кэтрин были куда более далекоидущие амбиции.

Этой привлекательной четырнадцатилетней девушке через пять недель исполнялось пятнадцать. Ростом метр шестьдесят с небольшим, она была «очень красивой маленькой блондинкой» с горящими голубыми глазами, модной короткой стрижкой и тонкими чертами лица. Хотя она и окончила только начальную школу – а «на этом все образование девушек из семей рабочих в те дни и заканчивалось», – она все равно была чрезвычайно умной. «Всю свою жизнь, – позже написал журнал Popular Science, – [Кэтрин] Шааб... лелеяла желание стать писателем». Она определенно была пробивной: позже она написала, что, когда подруга рассказала ей про вакансию в студии часов, она «направилась напрямиком к начальнику – мистеру Савою – и попросила работу».

Так она и очутилась у ворот фабрики на Третьей улице, постучалась и получила доступ к месту, где хотели работать многие молодые девушки. Она ощутила чуть ли не благоговейный трепет, когда ее повели по студии, чтобы познакомить с женщиной-бригадиром, Анной Руни, и она видела, как красильщицы прилежно выполняют свою работу. Эти девушки сидели рядами, одетые в свою обычную одежду, и с молниеносной скоростью разрисовывали циферблаты. Движения их рук были неуловимы. Перед каждой стоял деревянный ящик с бумажными циферблатами – белые цифры на черном фоне, готовые к тому, чтобы их раскрасили, – однако не циферблаты привлекли внимание Кэтрин, а тот материал, который использовали женщины. Это был радий.

Радий. Все знали, что это удивительный элемент. Кэтрин много читала про него в журналах и газетах, в статьях всячески превозносились его свойства и рекламировались новые продукты из радия в продаже – но они все были слишком дорогими для девочки столь скромного происхождения, как Кэтрин. Прежде ей никогда не доводилось видеть его вблизи. Это было самое ценное вещество на земле, продававшееся по цене в 120 000 долларов за грамм (2 200 000 долларов в пересчете на современные деньги). К ее восторгу, в реальности он оказался еще более прекрасным, чем она себе его воображала.

У каждой красильщицы был собственный запас. Девушки сами смешивали себе краску, помещая щепотку радиевой пудры в небольшой белый сосуд, а затем добавляя туда каплю воды и немного гуммиарабика в качестве клеящего вещества: в результате получалась зеленовато-белая светящаяся краска с торговым названием Undark. Мелкая желтая пудра содержала лишь микроскопическое количество радия; она смешивалась с сульфидом цинка, в результате реакции радия с которым появлялось яркое свечение. От этого эффекта дух захватывало.

Кэтрин видела, что порошок этот повсюду – вся студия была усыпана пылью. Казалось, она зависала небольшими клубами в воздухе, оседая на плечах и волосах работающих красильщиц. К изумлению, сами девушки начинали от нее сверкать.

Кэтрин, как и многие до нее, была очарована увиденным. И не только из-за сияния – всемогущая репутация радия делала свое дело. Чуть ли не сразу новый элемент окрестили «величайшим открытием в истории». Когда на рубеже веков ученые обнаружили, что радий способен уничтожать ткани человеческого тела,

его тут же стали применять в борьбе с раковыми опухолями, и он давал исключительные результаты. Этому спасающему жизни и, как предполагалось, наделяющему здоровьем элементу стали находить все новые и новые применения. На протяжении всей жизни Кэтрин радий был изумительной панацеей, с помощью которой лечили не только рак, но и полиноз, подагру, запоры... В общем, все на свете. Аптекари продавали радиоактивные повязки и таблетки; для тех, кто мог себе это позволить, открывались радиевые клиники и спа-салоны.

Люди провозглашали, что появление радия было предсказано в Библии: «взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его, и вы выйдете и разыграете, как тельцы упитанные». Также утверждалось, что радий способен восстановить жизненные силы пожилым людям, делая «стариков молодыми». Один энтузиаст написал: «Порой я чуть ли не ощущаю искры в своем теле».

Радий сиял, «словно добродетель в грешном мире». Его привлекательностью поспешили воспользоваться предприниматели. Кэтрин видела рекламные объявления о продаже одного из самых успешных продуктов: сосуда, стенки которого были покрыты радием, чтобы налитая в него вода становилась радиоактивной: обеспеченные покупатели пили ее в качестве тонизирующего средства, а рекомендованная дозировка составляла от пяти до семи стаканов в день. Стоимость таких изделий, однако, начиналась от 200 долларов (3700 долларов в пересчете на современные деньги), так что Кэтрин они были далеко не по карману. Радиевую воду пили богатые и знаменитые, а не девушки-работчие из Ньюарка.

Тем не менее это не мешало ей ощущать причастность к всестороннему вторжению радия в американскую жизнь. Это было безумие, по-другому не описать. Радий прозвали «жидким солнцем», и он освещал не только больницы и гостиные богачей Америки, но и ее театры, концертные залы, гастрономы и даже книжные полки. Его взхлеб расхваливали в карикатурах и романах, и Кэтрин, любившая петь и играть на пианино, наверняка была знакома с песней «Радиевый танец», ставшей большим хитом после появления в мюзикле «Пиф! Паф! Пуф!». В продаже были радиевые биндажи и нижнее белье, радиевое масло, радиевое молоко, радиевая зубная паста (гарантировавшая более яркую улыбку после каждой чистки зубов) и даже всевозможная радиевая косметика – кремы для лица, мыло, губная помада, пудра. Были и более прозаичные продукты: «Радиевый спрей, – гласило одно из рекламных объявлений, – быстро убьет всех мух, комаров, тараканов. Ему нет равных в уходе за мебелью,

керамикой, плиткой. Безопасен для людей и прост в использовании».

Далеко не все из этих товаров действительно содержали радиий – он был слишком редким и дорогим, – однако это не мешало производителям заявлять, что он входит в состав их продукции, – всем хотелось заполучить свой кусочек радиевого пирога.

И теперь, к радости Кэтрин, благодаря новой работе она получила главное место за столом. Она с упоением смотрела на происходящее перед ней. Затем, однако, к ее разочарованию, мисс Руни провела ее в комнату, расположенную отдельно от главной студии, вдали от радия и светящихся девушек. В тот день Кэтрин не было суждено раскрашивать циферблаты – равно как и на следующий день, как бы ей ни хотелось поскорее присоединиться к чарующим художницам в другом помещении.

Вместо этого ей предстояло пройти стажировку в роли контролера, проверяя работу этих светящихся девушек, с головой занятых раскрашиванием циферблатов.

Мисс Руни объяснила, что это важная работа. Хотя компания и специализировалась на циферблатах часов, она заключила и выгодный государственный контракт на поставку светящихся авиационных приборов. С учетом того, что в Европе был разгар войны, этот бизнес процветал; компания также использовала свою краску для производства стрелковых прицелов, корабельных компасов, чтобы они более ярко светились в темноте. А когда на кону жизни людей, циферблаты должны быть идеальными. «[Я должна была] следить, чтобы контуры цифр были ровными и [аккуратными], а также исправлять любые мелкие дефекты», – вспоминала Кэтрин.

Мисс Руни познакомила Кэтрин с ее наставницей, Мэй Кабберли, после чего оставила девушек работать, а сама продолжила медленно расхаживать между рядами красильщиц, приглядывая за ними.

Мэй улыбнулась Кэтрин и поздоровалась с ней. Эта 26-летняя красильщица работала в компании с прошлой осени, и у нее уже сложилась репутация блистательной красильщицы – каждый день она выдавала от восьми до десяти ящичков с циферблатами (в зависимости от размеров, в них помещалось 24 или 48 циферблатов в каждом). Ее быстро повысили, назначив обучать новых девушек в надежде, что они станут такими же продуктивными. Она взяла в руки кисть, чтобы показать Кэтрин методику, которой обучали всех красильщиц и контролеров.

Девушки использовали тонкие кисти из верблюжьего волоса с деревянными ручками. Одна из красильщиц позже вспоминала: «Я в жизни не видела столь тонких кисточек». Тем не менее какими бы тонкими ни были эти кисти, их щетина имела склонность пушиться, портя работу девушек. Циферблаты самых маленьких карманных часов имели всего три с половиной сантиметра в диаметре, и мельчайшие детали для раскрашивания были не толще одного миллиметра. Девушки не могли вылезать за границы этих тонких очертаний, иначе их ждало строгое наказание. Им приходилось делать кисти еще тоньше – и был только один известный способ этого добиться.

«Мы клали кисти себе в рот», – пояснила Кэтрин. Этому нехитрому приему научили всех первые девушки, пришедшие сюда с фабрик по раскраске фарфора.

Эти девушки не знали, что в Европе, где циферблаты раскрашивали уже более десяти лет, все делалось иначе. В разных странах применялись различные методики, однако нигде кисти не смачивались губами. А все потому, что и кисти никто не использовал: в Швейцарии для этого применялись стеклянные стержни; во Франции – небольшие палочки с ватным тампоном на конце; в других европейских студиях использовали заостренные деревянные стилосы или металлические иглы.

Тем не менее американские девушки не переняли методику по смачиванию кистей губами со слепой верой. Мэй сказала, что, когда она только начала работать вскоре после открытия студии в 1916 году, она и ее коллеги подвергли этот способ сомнению, «несколько скептически» отнесшись к тому, чтобы глотать радий. «Первым делом мы спросили, – вспоминала она, – не вредно ли это, и нам ответили: “нет”. Мистер Савой сказал, что это не опасно и нам не стоит переживать». В конце концов, радий же считался чудесным лекарством, а раз так, девушкам его воздействие должно было лишь пойти на пользу. Вскоре они настолько привыкли класть кисти себе в рот, что и вовсе перестали об этом задумываться.

Для Кэтрин же в ее первый день снова и снова смачивать губами кисть, исправляя дефекты на циферблатах, показалось странным занятием. Тем не менее ей пришлось с этим смириться: она постоянно напоминала себе, почему хотела здесь работать. Ее работа включала в себя два типа проверок – при дневном освещении и в темноте, и именно в темноте начиналось все волшебство. Она вызывала девушек, чтобы обсудить их работу.

«Здесь, в комнате без солнечного света, были сразу видны следы светящейся краски повсюду на рабочих. То там, то здесь виднелись пятна на одежде, на лице и губах, на их руках. Стоя здесь, они фактически светились в темноте». Они выглядели восхитительно, словно неземные ангелы.

Шло время, и Кэтрин поближе познакомилась со своими коллегами. Одной из них была Джозефина Смит, круглолицая 16-летняя девушка с короткими каштановыми волосами и носом картошкой. Она тоже прежде работала в универмаге продавщицей, однако ушла оттуда, позарившись на куда более приличную зарплату красильщицы циферблатов. Хотя у девушек и не было фиксированной ставки – они получали сдельную оплату в зависимости от количества раскрашенных циферблатов, в среднем по 1,5 цента за штуку, – самые талантливые зарабатывали невероятные суммы. Некоторые зарабатывали в три раза больше по сравнению со среднестатистическими заводскими рабочими; кто-то – даже больше своих отцов. Девяносто пять процентов наемных работниц получали меньше, а красильщицы уносили домой в среднем по 20 долларов (370 долларов в пересчете на современные деньги) в неделю,

хотя самые проворные без труда могли зарабатывать еще больше, порой в целых два раза, – годовая зарплата самых старательных составляла 2080 долларов (почти 40 000). Девушки были очень довольны своим положением.

Джозефина, как узнала Кэтрин, была немецкого происхождения, как и сама Кэтрин. На самом деле большинство красильщиц были дочерьями или внучками иммигрантов.

В Ньюарке проживало множество мигрантов из Германии, Италии, Ирландии и других стран. Это и стало одной из причин, по которым компания решила открыть студию именно здесь: иммигранты были неиссякаемым источником рабочей силы для всевозможных фабрик.

Нью-Джерси прозвали Штатом Садов за его развитое сельхозпроизводство, однако промышленность здесь была развита не меньше. На пороге нового столетия руководители крупных фирм Ньюарка называли его Городом возможностей, и – в чем девушки сами сумели убедиться – он всячески оправдывал такое имя.

Все это делало Ньюарк процветающим мегаполисом. Ночная жизнь после закрытия фабрик кипела. Он считался пивным городом, потому что количество кабаков на душу населения в нем было больше, чем где-либо еще в Америке, и рабочие не теряли своего свободного времени даром. Красильщицы подружились между собой: они усаживались обедать в мастерской, делясь сэндвичами и слухами за пыльными столами.

Шли недели, и Кэтрин наблюдала не только за прелестями работы красильщиц, но и за связанными с ней трудностями: мисс Руни постоянно контролировала их, разгуливая по студии, и девушки вечно боялись, что их вызовут в темную комнату, чтобы отчитать за некачественно выполненную работу. А больше всего девушки боялись обвинений в перерасходе дорогостоящей краски, за что могли даже уволить. Тем не менее, несмотря на все эти очевидные минусы, Кэтрин все равно не терпелось присоединиться к женщинам в основной мастерской. Ей хотелось стать одной из сияющих девушек.

Будучи способной ученицей, Кэтрин вскоре преуспела в своей работе. Она не только в совершенстве овладела искусством исправлять дефекты на циферблатах с помощью смоченной губами кисти, но и наловчилась смахивать пыль голыми руками и удалять ногтем излишки краски. Она трудилась изо всех сил, мечтая о повышении.

Наконец, ближе к концу марта, ее упорство было вознаграждено. «Мне предложили раскрашивать циферблаты, – радостно писала она. – Я сказала, что не прочь попробовать».

Кэтрин осуществила амбиции благодаря своим заслугам – однако той весной 1917 года имелись и другие, куда более серьезные факторы. Спрос на красильщиц циферблатов вскоре стал невиданным: теперь компании было нужно заполучить как можно больше новых девушек.

Глава 2

За предыдущие два с половиной года война в Европе практически не коснулась Америки, если не считать принесенного ею экономического подъема.

Большинство американцев были только рады держаться подальше от ужасов окопной войны, разразившейся по другую сторону Атлантики, истории о которой доходили до них в первозданном виде, несмотря на большое расстояние. Но в 1917 году нейтральная позиция страны оказалась несостоятельной. Шестого апреля, всего через неделю или около того после повышения Кэтрин, Конгресс проголосовал за участие Америки в этом конфликте, который позже окрестили «Войной за прекращение всех войн».

В студии по раскрашиванию циферблатов на Третьей улице моментально ощутили последствия этого решения. Спрос взлетел. Студия в Ньюарке была слишком маленькой, чтобы обеспечивать необходимый объем, так что начальство Кэтрин открыло специально построенный для этих целей завод рядом с Ньюарком в городе Орандж, штат Нью-Джерси, закрыв фабрику на Третьей улице. Теперь заводу нужны были не только красильщицы циферблатов. Компания так сильно разрослась, что сама стала заниматься выделением радия, для чего требовались лаборатории и перерабатывающие

установки. Корпорация светящихся материалов Radium значительно расширилась, и новая площадка включала в себя несколько зданий, расположенных посреди жилого квартала.

Кэтрин стала одним из первых работников, переступивших порог двухэтажного здания, предназначенного для размещения прикладного отдела. Ей и остальным красильщицам понравилось увиденное. Мало того что Орандж был привлекательным процветающим городом, так еще и их новая студия на втором этаже оказалась очаровательной, с огромными окнами во всех стенах и крыше. Помещение заливало весеннее солнце, обеспечивая идеальное освещение для раскрашивания циферблатов.

Компания объявила о найме новых сотрудников для помощи военным, и всего четыре дня спустя Грейс Фрайер ответила на этот призыв. У нее нашлись на то личные причины: два ее брата в числе нескольких миллионов американских солдат направлялись сражаться во Францию.

Многих красильщиц циферблатов воодушевила идея помощи американским войскам: «Эти девушки, – писала Кэтрин, – были лишь некоторыми из многих, “вносящих свою лепту” работой».

Грейс была молодой девушкой с особенно активной гражданской позицией. «Еще в школьные годы, – написала ее подруга, – она планировала стать настоящим гражданином, когда вырастет». Ее семья не чуралась политики: ее отец Дэниел состоял в профсоюзе плотников, и в этом доме было просто невозможно вырасти, не впитав в себя его принципы. Дэниел частенько сидел без работы, так как профсоюзное движение в те годы не пользовалось популярностью, но если в семье и не хватало денег, то в любви они недостатка не испытывали. Грейс была четвертой по счету из десяти детей, самой старшей среди девочек, и, возможно, поэтому особенно сблизилась со своей матерью, которую тоже звали Грейс. В общей сложности в семье было шесть мальчиков и четыре девочки, и Грейс дружила со своими братьями и сестрами, особенно с Аделаидой, наиболее подходящей ей по возрасту, и с младшим братом Артом.

Когда прозвучал призыв, у Грейс уже была работа, на которой она получала практически столько же, как и красильщицы циферблатов, однако она уволилась, чтобы устроиться в студию радиевой компании в Орандже, где жила. Она была невероятно способной и исключительно привлекательной девушкой с вьющимися каштановыми волосами, карими глазами и четкими чертами лица. Многие называли ее эффектной, однако Грейс не особо интересовали восхищенные взгляды. Она была карьеристкой и уже к 18 годам обеспечила себе благополучную жизнь. Если вкратце, то она была «девушкой, увлеченной жизнью». Вскоре она преуспела в раскрашивании циферблатов, став одним из самых продуктивных работников компании, в среднем выдавая по 250 циферблатов в день.

Ирен Корби тоже пришла в компанию той осенью. Дочка местного шляпника, она была чрезвычайно жизнерадостной девушкой 17 лет. «У нее был очень веселый характер, – вспоминала ее сестра Мэри, – чрезвычайно веселый». Ирен сразу же поладила со своими коллегами, особенно с Грейс, и они считали ее одним из самых умелых сотрудников.

Обучением новых девушек занялись Мэй Кабберли и Джозефина Смит. Женщины сидели бок о бок за длинными, вдоль всей студии, столами, между которыми был проход, так что мисс Руни могла наблюдать за их работой. Инструкторши научили девушек класть крошечное количество материала (они неизменно называли радиий «материалом») в свои емкости, «словно легкий дымок в воздухе», а затем аккуратно смешивать краску. Но как бы осторожно они ее ни размешивали, им на руки все равно попадали брызги.

Затем, когда краска была размешана, их научили смачивать кисти губами. «Она сказала мне наблюдать и повторять за ней», – вспоминала Кэтрин свое обучение. Грейс, Кэтрин и Ирен беспрекословно выполняли указания. Они подносили кисти к губам... смачивали их в радиии... И расписывали циферблаты. «Поднести к губам, обмакнуть, нарисовать» – эти движения уже стали машинальными: все девушки копировали друг друга, и целый день напролет, словно зеркальные отражения, их повторяли.

Вскоре красильщицы обнаружили, что радий застывает на их кистях. Им предоставили вторую емкость, якобы для чистки щетины, однако воду меняли лишь раз в день, и она быстро становилась мутной: кисти в ней не столько чистились, сколько пушились, что мешало некоторым работницам. Вместо этого они стали попросту смачивать кисти собственной слюной. Другие, однако, всегда использовали воду. «Я делала так, – сказала одна из них, – потому что не переносила этот неприятный вкус у себя во рту». Вкус краски был предметом споров. «Я не заметила никакого странного вкуса, – говорила Грейс, – я бы сказала, что краска вообще была безвкусной». Но некоторые специально ели краску: им это нравилось.

Другим новым работником, попробовавшим в то лето волшебный элемент, стала 16-летняя Эдна Больц. «Этот человек, – позже написали про нее в журнале Popular Science, – с рождения был одарен жизнерадостным характером». Изящная от природы, ростом всего метр шестьдесят пять, она была, однако, выше большинства своих коллег. Ей дали прозвище «Дрезденская куколка» из-за прекрасных золотистых волос и светлой кожи; кроме того, у нее были идеальные зубы и, возможно, как результат работы, сияющая улыбка. Со временем она сблизилась со своей наставницей, мисс Руни, которая отзывалась о ней как об «очень приятной девушке; очень порядочной и из очень хорошей семьи». Эдна была глубоко религиозна, но помешана на музыке. Она пришла в июле, когда из-за спроса военных объемы производства взлетели.

В то лето на заводе кипела работа. «Это был настоящий дурдом!» – воскликнула одна из сотрудниц. Девушки уже оставались сверхурочно, чтобы справиться со спросом, выходили семь дней в неделю; теперь же студия перешла на круглосуточный режим. В темных окнах красильщицы циферблатов сияли еще ярче: эдакая мастерская светящихся духов, трудящихся всю ночь напролет.

Хотя от них и требовали большой скорости, девушкам в целом нравился рабочий процесс – они упивались идеей о том, что расписывают циферблаты по много часов в день ради своей страны. Большинство из них были подростками – «веселые, хихикающие девчонки», – и они находили время для веселья. Одной из их излюбленных забав было нацарапать на часах свое имя и адрес: послание для солдата, который будет их носить. Иногда девушки получали от них письма.

Постоянно приходили новые сотрудницы, что еще больше способствовало дружелюбной атмосфере.

В Ньюарке в студии работали где-то 70 девушек. Во время войны их стало больше как минимум в три раза.

Теперь девушки сидели по обе стороны столов, всего в метре друг от друга.

Среди них оказалась и Хейзел Винсент. Как и Кэтрин Шааб, она была родом из Ньюарка; у нее было овальное лицо, нос пуговкой и светлые волосы, которые она укладывала по последней моде. Другим новым работником была 21-летняя Альбина Маггия, дочка итальянского иммигранта – третья из семи, – миниатюрная пухленькая женщина ростом всего метр сорок два, с типичными для итальянцев темными волосами и глазами. Она была рада вернуться к работе – раньше она занималась изготовлением украшений для шляп, однако ей пришлось уйти, чтобы ухаживать за своей матерью, умершей в прошлом году, – однако она не стала самой быстрой красильщицей циферблатов. Кисти ей казались «слишком грубыми», и она успевала за день раскрасить лишь полтора ящика. Как бы то ни было, она старалась изо всех сил, позже заметив: «Я всегда выкладывалась по полной для этой компании».

За длинными деревянными столами к Альбине присоединилась ее младшая сестра Амелия, которую все называли Молли. В этой студии она как будто нашла свое призвание и показывала невероятные результаты. На 30 сантиметров выше Альбины, она была общительной 19-летней девушкой с круглым лицом и пышными каштановыми волосами; она любила посмеяться вместе со своими коллегами. Особенно хорошо она поладила с другой новенькой, Элеанор Экерт (по прозвищу Элла): они стали друзьями неразлейвода. Элла была популярной и красивой, со светлыми, слегка вьющимися волосами и широкой улыбкой. Чувство юмора не покидало ее ни на минуту, будь то на работе или на отдыхе. Девушки общались и вместе обедали, практически не отрываясь от работы за тесными столами.

Компания организовывала и различные общественные мероприятия, самыми излюбленными из которых были пикники. В белоснежных летних платьях и шляпах с широкими полями красильщицы лакомились мороженым в стаканчиках, сидя на узком временном мосте, ведущем через ручей в студию. Они раскачивали ногами и держались друг за друга, стараясь не упасть в воду. На эти пикники приглашали весь персонал, так что девушки общались и с другими коллегами, которых обычно видели редко: мужчинами, работавшими в лабораториях и на обогатительных установках. «Служебные романы» не заставили себя долго ждать. Мэй Кабберли начала встречаться с парнем из лаборатории по имени Рэй Кэнфилд, многие другие девушки тоже были в отношениях, хотя большинство и не со своими коллегами. У Хейзел Винсент, например, с детства продолжалась любовь с механиком по имени Теодор Кузер с голубыми глазами и светлыми волосами.

Основатель компании, 34-летний врач родом из Австрии по имени Забин фон Зохоки, частенько приходил на эти пикники – он сидел на пледе среди своих работников, без куртки и с бокалом прохладительного напитка в руке. Девушки редко когда видели его в студии – он обычно был слишком занят работой в лаборатории, чтобы удостоить их своим присутствием, – так что здесь предоставлялась редкая возможность с ним встретиться.

Именно фон Зохоки открыл светящуюся краску, еще в 1913 году, и она определенно принесла ему успех. За первый год он продал 2000 светящихся в темноте часов; теперь же компания выпускала их миллионами.

Он был далеко не самым типичным предпринимателем: получив медицинское образование, изначально он воспринимал свою краску как «халтуру», с помощью которой надеялся заработать денег на медицинские исследования, однако растущий спрос вынудил его всерьез заняться бизнесом. Он встретил «родственную душу» в лице доктора Джорджа Уиллиса, и два врача совместно основали компанию.

Фон Зохоки был, по словам его коллег, «удивительным человеком». Все звали его просто «доктор». Он не знал усталости: «этот человек любил припоздниться,

однако потом все работал и работал до поздней ночи». Журнал American назвал его «одним из величайших деятелей в мире радия», и он учился у лучших – у самих Кюри.

От них, а также из специализированной медицинской литературы, которую изучал, фон Зохоки узнал, что радий таит в себе величайшую опасность. Как раз в тот период, когда предприниматель занимался вместе с Кюри, Пьер как-то заметил, что «ни за что бы не остался в комнате с килограммом чистого радия, так как он сжег бы всю кожу на его теле, лишил бы его зрения и, скорее всего, жизни». Сами Кюри к тому времени были не понаслышке знакомы с вредностью радия: они уже не раз получали от него ожоги. Радий действительно мог лечить опухоли, уничтожая нездоровую ткань, – однако он не знал различий и точно так же мог разрушать и здоровые ткани. Фон Зохоки сам пострадал от его безмолвной и губительной ярости: радий попал ему в левый указательный палец, и, осознав это, доктор отрубил себе его кончик. Теперь палец выглядел так, словно «его обглодало какое-то животное».

Разумеется, обычным людям все это было неизвестно. Их упорно убеждали, что радий имеет исключительно положительные свойства – именно так писали о нем в газетах и журналах, расхваливали его на упаковках всевозможных товаров и в бродвейских постановках.

Тем не менее работников лаборатории на заводе фон Зохоки в Орандже обеспечили защитным снаряжением. Им выдали свинцовые фартуки, а также щипцы из слоновой кости, чтобы брать пробирки с радием.

В январе 1921 года фон Зохоки написал, что с радием следует «обращаться с величайшей осторожностью». Тем не менее, несмотря на все эти знания, а также на травмированный палец, Зохоки был, видимо, настолько очарован радием, что, как утверждали все, мало заботился о мерах предосторожности. Известно, что он играл с ним, держа пробирки голыми руками и наблюдая за его свечением в темноте, а то и вовсе опускал руку по локоть в радиевый раствор. Сооснователь компании Джордж Уиллис тоже вел себя легкомысленно: брал пробирки указательным и большим пальцами, не заморачиваясь со щипцами. Пожалуй,

неудивительно, что их коллеги повторяли за ними. Никому не было дела до предупреждений Томаса Эдисона, работавшего всего в паре миль от завода в Орандже, который однажды заметил: «Возможно, радиий еще перейдет в доселе невиданное состояние, которое приведет к печальным последствиям; всем, кто имеет с ним дело, следует соблюдать осторожность».

А в залитой солнцем студии на втором этаже работающие девушки вообще ни о чем не переживали. Здесь не было ни свинцовых фартуков, ни щипцов с наконечниками из слоновой кости, ни медицинских специалистов. Содержание радия в краске считалось настолько незначительным, что подобные меры предосторожности были признаны излишними.

Сами девушки, разумеется, даже не догадывались, что какие-то меры могут понадобиться. В конце концов, они имели дело с радием, чудо-лекарством. Они считали себя счастливицами, дружно заливаясь смехом, и, склонив головы, выполняли свою кропотливую работу. Грейс и Ирен. Молли и Элла. Альбина и Эдна. Хейзел и Кэтрин, и Мэй.

Они брали свои кисти и вертели ими снова и снова, всё, как их учили.

Смочить губами... Обмакнуть... Покрасить.

Глава 3

Война – голодный зверь, и чем больше его кормишь, тем больше он сжирает. Когда осень 1917 года подошла к концу, спрос на продукцию фабрики и не думал снижаться: на пике производства раскрашиванием циферблатов занимались 375 нанятых девушек. А когда фирма объявила о новом наборе людей, они охотно стали рекламировать эту работу своим подругам, родным и двоюродным сестрам. Вскоре бок о бок сидели целые семьи, оживленно раскрашивая циферблаты. К Альбине и Молли Маггии вскоре присоединилась и другая их сестра, шестнадцатилетняя Кинта.

Она была чрезвычайно привлекательной девушкой с большими серыми глазами и длинными темными волосами. Прекрасные зубы она считала своим главным

достоинством. Приземленная и добродушная, она любила проводить время за карточными играми, шашками и домино. Она дерзко признавалась: «Мне бы следовало ходить в церковь как минимум раза в два чаще». Она потрясающе поладила с Грейс Фрайер, и эти две девушки стали неразлучны.

Грейс тоже привела на работу свою младшую сестренку: Аделаида Фрайер была очень компанейской, обожала общение среди людей, однако она оказалась не такой благоразумной, как ее старшая сестра, и в итоге ее уволили за излишнюю болтовню. Девушки, может, и хотели общаться, однако им все равно нужно было делать свою работу, и если они не могли на ней сосредоточиться, то надолго там не задерживались. Как Кэтрин Шааб заметила еще в Ньюарке, девушки находились под огромным давлением. Если работница не справлялась, ее отчитывали; если она не справлялась многократно, то ее просто увольняли. Мистера Савой, чей офис находился на первом этаже, девушки видели лишь тогда, когда он приходил их отругать.

Самой большой проблемой был перерасход краски. Каждый день мисс Руни выдавала девушкам определенное количество порошка, рассчитанное на определенное количество циферблатов, – и его непременно должно было хватить. Они не могли просить еще, но не могли и экономить: если цифры недостаточно покрыты материалом, это непременно всплывет при проверке. Девушки стали выручать друг друга и делились, если у кого-то оставалось немного лишней краски. Кроме того, были еще и емкости с водой, с осадком из радия. Их тоже научились использовать в качестве дополнительного источника материала.

Но мутная вода не осталась незамеченной руководителями компании. Вскоре сосуды для чистки кистей забрали, объяснив это тем, что слишком много ценного материала впустую пропадало в воде.

У девушек не было другого выхода, кроме как смачивать кисти губами, так как иначе не убрать застывший на кончиках радий. Как заметила Эдна Больц: «Без этого было просто невозможно справиться с работой».

Желая сократить расход материала, руководство занималось и самими девушками. По окончании смены их вызывали в темную комнату, чтобы смести с одежды «сверкающие частицы», которые затем собирались с пола в совок и использовались на следующий день.

Тем не менее, сколько бы они ни старались, всю пыль смести не удавалось. Девушки были полностью покрыты ею: «ладони, руки, шея, одежда, нижнее белье, даже корсеты красильщиц светились». Эдна Больц вспоминала, что даже после чистки, «когда я возвращалась вечером домой, моя одежда сияла в темноте». Она добавила: «Было сразу видно, куда попал порошок – на волосы, на лицо». Девушки светились, «подобно часам в темной комнате», словно они сами были хронометрами, отсчитывавшими проходящие секунды. Направляясь домой с работы по улицам Оранджа, они сияли, словно призраки.

Их нельзя было не заметить. Жители города обращали внимание не только на призрачное свечение, но и на дорогую, эффектную одежду – девушки ходили в шелках и мехах, «больше напоминая популярных актрис, чем работниц фабрики». Таковы были преимущества их высокого заработка.

Несмотря на всю привлекательность этой работы, она подходила не всем. Некоторым от краски становилось плохо; у одной женщины всего через месяц во рту появились язвы. Хотя все девушки смачивали кисти губами, делали они это с разной периодичностью, что, скорее всего, и объясняло столь разные реакции. «Я могла закрасить где-то две цифры, прежде чем кисть высыхала», – говорила Грейс Фрайер, в то время как Эдне Больц приходилось смачивать кисть губами перед каждой цифрой, а то и два-три раза для одной цифры. Кинта Маггия делала так же, хотя и ненавидела вкус краски: «Помню, как жевала краску – она была словно песок между зубами. Я отчетливо это помню».

Кэтрин Шааб смачивала кисть чуть ли не реже всех – чтобы раскрасить одни часы, ей требовалось поднести кисть к губам всего четыре-пять раз. Тем не менее, когда у нее внезапно высыпали прыщи – что запросто могло произойти из-за гормональных изменений, так как ей было лишь пятнадцать, – она определенно помнила о побочных реакциях на краску у своих коллег, так как сразу же решила обратиться к врачу.

К ее удивлению, он спросил, не работает ли она с фосфором. Этот известный в Ньюарке промышленный яд было логично заподозрить, однако Кэтрин от этого легче не стало. Потому что беспокойство врача вызвали не только ее прыщи: он заметил также и изменения в ее крови. Была ли она уверена, что не работает с фосфором?

Девушки не до конца понимали, что именно содержится в краске. Озадаченная вопросами врача, Кэтрин обратилась к своим коллегам. Когда она поделилась с ними тем, что сказал ей врач, они перепугались. Вместе они пришли к мистеру Савой, который пытался успокоить их страхи, однако на этот раз его слова о безвредности краски и слушать никто не хотел.

Тогда он, как это сделал бы любой руководитель среднего звена, обратился к своему руководству. Вскоре после этого из Нью-Йорка прибыл Джордж Уиллис, чтобы прочитать девушкам лекцию о радиации и убедить их, что она не опасна; фон Зохоки тоже принял участие.

Врачи гарантировали, что краска не представляет никакой угрозы: радиий использовался в столь ничтожном количестве, что попросту не мог причинить вреда.

Итак, девушки вернулись к своей работе, ощутив небольшое облегчение. Кэтрин, наверное, чувствовала себя несколько глупо из-за того, что ее подростковые угри вызвали столько волнений. Ее кожа пришла в порядок, а вместе с ней – и умы всех красильщиц. Когда один из величайших специалистов по радиации в мире говорит, что беспокоиться не о чем, то к нему нельзя не прислушаться. Вместо этого девушки смеялись над теми воздействиями, которые производил на них порошок.

«Выделения из носа на моем платке, – вспоминала Грейс Фрайер, – светились в темноте». Одна из красильщиц, известная как «бойкая итальянка», как-то раз перед свиданием разрисовала краской все зубы, желая впечатлить своего

кавалера улыбкой.

Зарождавшиеся романы девушек, о которых говорилось выше, расцвели по полной. Хейзел и Тео теперь были близки как никогда, а Кинта начала встречаться с юношей по имени Джеймс Макдональд, однако первой из них замуж вышла Мэй Кабберли – свадьба состоялась 23 декабря 1917 года. По существовавшей тогда традиции, девушка сразу же хотела уйти с работы, однако мистер Савой попросил ее задержаться подольше, так что она по-прежнему оставалась в студии, когда туда в тот же месяц пришла Сара Майлефер.

Сара несколько отличалась от остальных девушек. В первую очередь, возрастом – ей было уже двадцать восемь. Застенчивая и упитанная, она всегда держалась немного в стороне от подростков, несмотря на их дружелюбие. У Сары были широкие плечи и короткие темные волосы – и эти широкие плечи ейгодились как матери-одиночке. У нее была шестилетняя дочка Маргарита, названная в честь младшей сестры.

В 1909 году Сара вышла замуж. Ее муж, Генри Майлефер, был смотрителем церкви, французско-ирландского происхождения, высоким, с черными волосами и глазами. Но Генри пропал, и никто не знал, где он сейчас. Так что Сара и Маргарита продолжали жить с ее родителями Сарой и Стивеном Карлоу и с ее шестнадцатилетней сестренкой Маргаритой. Стивен трудился художником-декоратором, и все они были «усердно работающими, благоразумными людьми». Сара тоже усердно работала и вскоре стала одним из самых преданных сотрудников радиевой компании.

Что касается Мэй Кабберли Кэнфилд, то ее преданности наступил конец. Вскоре после свадьбы она забеременела и в первые месяцы 1918 года уволилась из компании. Эта глава ее жизни завершилась.

Ей быстро нашли замену.

Согласно оценкам, в 1918 году 95 % всего производившегося в Америке радия отдавалось на производство краски для военных приборов; завод работал в полную мощность. К концу года у каждого шестого американского солдата были светящиеся часы, и многие из них – расписанные девушками из Оранджа.

В числе новых работниц пришла Джейн Стокер (по прозвищу Дженни), а в июле к ним присоединилась худенькая девушка с миниатюрными чертами лица по имени Хелен Куинлан. Она была энергичной, и ее в компании несколько высокомерно описали как «из того типа людей, что слишком уж сильно суетятся ради своего блага». У нее был парень, которого она часто брала с собой на пикники, – молодой светловолосый юноша, надевавший по такому случаю рубашку с галстуком. Вместе с Хелен они позировали для фотографии дома у одного из них: подол ее юбки извивался у коленей – она все время была в движении – а парень смотрел, не отрывая взгляда, на нее, а не на фотоаппарат, и выглядел совершенно одурманенным этим игривым созданием, которое ему каким-то чудом посчастливилось повстречать.

Женщины по-прежнему продолжали зазывать своих родных работать вместе с ними. В сентябре 1918 года Кэтрин с гордостью написала: «Я заполучила на фабрике место для Ирен». Ирен Рудольф была ее осиротевшей двоюродной сестрой-сверстницей; она жила вместе с семьей Шааб. С учетом трудностей, с которыми Ирен пришлось столкнуться в столь раннем возрасте, пожалуй, неудивительно, что она была осмотрительной и вдумчивой. Вместо того чтобы тратить свою зарплату на шелка и меха, как это делали некоторые девушки, она откладывала деньги на сберегательный счет. Ирен, с узкими лицом и носом, с темными волосами и глазами, на единственной сохранившейся фотографии выглядит слегка понурой.

Через месяц после прихода Ирен начал свою работу другой новый сотрудник – но это не была очередная красильщица циферблатов, радующаяся хорошему заработку. Это был Артур Роедер, чрезвычайно успешный бизнесмен, новый финансовый управляющий компании. Он уже продемонстрировал свою способность хвататься за карьерные возможности: хотя Артур и ушел из университета, так и не получив диплома, он быстро стал продвигаться по карьерной лестнице в выбранной специализации. Этот элегантный круглолицый

мужчина с греческим профилем и тонкими губами любил галстуки-бабочки и бриолин, который размазывал по своим темным волосам, чтобы они плотнее прилегали к голове. Он работал в головном офисе в Нью-Йорке и теперь взял под свою ответственность красильщиц циферблатов. Хотя Артур и утверждал, что не раз посещал студию, на самом деле его появление здесь было исключительным событием, так как директора редко заходили в мастерские. Так, Грейс Фрайер помнила лишь единственный случай, когда глава компании фон Зохоки проходил мимо нее на работе. Тогда она не обратила особого внимания, однако позже этому придали большое значение.

В тот день она, как обычно, работала за столом, смачивая губами и макая в краску кисть, как и все остальные девушки. У фон Зохоки, как это было обычно для него, голова наполнилась идеями и запутанными научными выкладками – он спешил заняться своей работой. Но в этот раз, поспешно проходя через студию, он остановился и посмотрел прямо на Грейс – а также на то, чем она занималась, словно впервые увидел.

Грейс подняла голову и бросила на него взгляд. Это был мужчина с запоминающейся внешностью: массивный нос и коротко стриженные темные волосы, прикрывающие слегка торчащие уши. Помня о том, в каком темпе нужно работать, она снова склонилась над столом и поместила кисть между губ.

– Не делайте так, – внезапно сказал он ей.

Грейс остановилась и в замешательстве на него посмотрела. Ведь это была ее работа, и все девочки делали именно так.

– Не делайте так, – повторил он. – Вы заболете.

И отправился по своим делам.

Грейс была в полном замешательстве. Как человек, который всегда стремился разобраться в непонятной ситуации, она направилась напрямиком к мисс Руни. Но мисс Руни лишь повторила то, что всем девушкам уже говорили прежде. «Она

сказала, что это все полная ерунда, – вспоминала позже Грейс. – Она сказала, что краска безвредна».

Так что Грейс вернулась к работе.

Смочить губами... обмакнуть... покрасить.

В конце концов, шла война. Впрочем, ей оставалось немного. Одиннадцатого ноября 1918 года орудия смолкли. Воцарился мир. Более 116 тысяч американских солдат отдали свои жизни на этой войне; общее количество жертв для всех сторон составило порядка 17 000 000. И теперь радиевые девушки, директора компании и весь мир были благодарны за то, что этот жестокий, кровавый конфликт подошел к концу.

Достаточно людей погибло. Теперь, как им казалось, пришла пора жить.

Глава 4

Кинта Маггия не стала терять времени и ровно через месяц после прекращения войны вышла замуж за Джеймса Макдональда. Это был жизнерадостный паренек ирландского происхождения, он работал управляющим в торговой сети. Молодожены поселились отдельно в двухэтажном доме. Поначалу Кинта продолжала заниматься раскрашиванием циферблатов, но недолго. Она ушла из фирмы в феврале 1919-го и вскоре забеременела; ее дочка Хелен родится через два дня после Дня благодарения.

Она была не единственной уволившейся красильщицей циферблатов. Война закончилась, а девушки выросли. Ирен Корби тоже ушла, устроившись секретаршей в Нью-Йорке. Позже она выйдет замуж за слегка щеголеватого Винсента Ла Порты, мужчину с пронзительными голубыми глазами, занимавшегося маркетингом.

Уволившимся быстро находили замену. В августе 1919-го Сара Майлефер смогла выбить место для своей сестры, Маргариты Карлоу. Та была бойкой молодой девушкой, пользовалась румянами и губной помадой и любила эффектную

одежду: изящно подогнанные пальто с большими отворотами и широкополые шляпы с краями, отделанными перьями. Маргарита стала лучшей подругой младшей сестре Джозефины Смит Женевиэве, которая тоже начала там работать. Другой ее близкой подругой была Альбина Маггия, она все продолжала надрывать над ящиками с циферблатами, в то время как ее младшая сестра опередила ее с замужеством. Альбина была искренне рада за счастье Кинты, однако не могла не думать о том, когда же придет и ее время. Тем летом она тоже решила уйти и снова заняться украшениями для шляп.

Настала пора глобальных перемен. В то самое лето Конгресс США принял девятнадцатую поправку, наделив женщин правом голоса. Что касается Грейс Фрайер, то ей не терпелось им воспользоваться. На заводе тоже все не стояло на месте: вскоре новый химик – и будущий вице-президент – Говард Баркер совместно с фон Зохоки стал экспериментировать с рецептурой светящейся краски, заменяя радий на мезоторий. Позже писали: «Баркер смешивал все подряд и продавал это, пятьдесят на пятьдесят, либо десять процентов [мезотория] на девяносто процентов [радия], или вроде того». Мезоторий был изотопом радия (его называли радий-228, чтобы подчеркнуть отличие от «обычного» радия-226): тоже радиоактивным, но с периодом полураспада всего 6,7 года, в отличие от 1600 лет для радия-226. Его частицы были более грубыми, чем у радия, но – самое главное для компании – стоил он гораздо дешевле.

В студии девушек по какой-то непонятной причине попросили испытать новую методику. Эдна Больц вспоминала: «Они раздали всем маленькие тряпочки: мы должны были протирать ими кисти вместо того, чтобы класть их себе в рот». Месяц спустя, однако, как сказала Эдна, «их у нас забрали. Нам было запрещено пользоваться тряпочками – на них оставалось слишком много радия». Она заключила: «Мы снова стали смачивать кисти губами».

Компания старалась сделать производственный процесс максимально эффективным, так как спрос на светящиеся изделия и не думал угасать, хотя с войной уже и было покончено. В 1919 году, к большой радости Артура Роедера, производительность достигла своего пика: было изготовлено 2,2 миллиона светящихся часов. Неудивительно, что Кэтрин Шааб испытывала усталость; той осенью она заметила «боль и напряжение в ногах». У нее в целом был душевный упадок, так как в тот год скончалась ее мать; горе сблизило Кэтрин с ее отцом Уильямом.

Тем не менее жизнь, как это слишком хорошо знала осиротевшая двоюродная сестра Кэтрин Ирен Рудольф, продолжается даже после смерти близких. Ей и Кэтрин не оставалось ничего иного, кроме как с головой погрузиться в работу, бок о бок со своими коллегами, которые все еще вкалывали в наполненной радиевой пылью студии: Маргаритой Карлоу и ее сестрой Сарой Майлефер, Эдной Больц и Грейс Фрайер, Хейзел Винсент и Хелен Куинлан, и Дженни Стокер. Элла Экерт и Молли Маггия были самыми быстрыми работницами, несмотря на веселые гулянья на организуемых компанией мероприятиях. Они веселились от души, однако и работали так же усердно. По-другому работу было и не удержать.

Нескончаемые заказы тем временем все продолжали поступать. В компании задумались о стратегии ее развития в послевоенный период. Было решено расширить ее присутствие в области радиевой медицины. Артур Роедер также пересмотрел торговую марку Undark. В мирное время покупатели хотели увидеть сияющими в темноте многие изделия: компания стала продавать свою краску напрямую потребителям и производителям, которые сами находили ей применение. Так руководству радиевой компании в голову пришла другая идея – организовать для производящих часы фирм собственные студии по их раскраске. Это бы значительно снизило потребность в рабочей силе на фабрике по раскраске часов в Орандже, однако компания все равно получала бы прибыль за продажу краски.

На самом деле у фирмы были убедительные причины покинуть Орандж, ну или хотя бы сократить свою деятельность там. Теперь, когда пыл патриотизма военного времени угас, расположение завода посреди жилого квартала стало приносить проблемы. Местные жители начали жаловаться, что от фабричного дыма их постиранное белье теряет цвет, а здоровье ухудшается. Представители компании предприняли беспрецедентный шаг, чтобы сгладить недовольство населения: один из директоров лично вручил одному из местных пять долларов (68,50 доллара) – компенсацию за испорченное белье.

Что ж, это было ошибкой. Ящик Пандоры открылся. Тут же все жители разом захотели получить компенсацию. Людям в этом бедном районе «не терпелось поживиться за счет компании». Фирма извлекла урок: больше ни единого доллара никому выплачено не было.

Руководство снова переключило свое внимание на студии по производству часов. Спрос на них оказался огромным; в 1920 году выпустили более 4 000 000 светящихся часов. Вскоре были заключены договоры, и все остались довольны – все, за исключением изначальных красильщиц часов.

Так как компания процветала с новым соглашением, девушки оказались на улице. Теперь на всех попросту не хватало работы. Спрос падал, и в итоге студия в Орандже перешла на неполный день. Что касается оставшихся красильщиц, которым платили сдельно за количество расписанных циферблатов, то для них такая ситуация была попросту неприемлемой. Их число стало сокращаться, и в итоге осталось менее сотни женщин. Хелен Куинлан и Кэтрин Шааб ушли на поиски более высокооплачиваемой работы. Хелен стала машинисткой, а Кэтрин устроилась в офис шарикоподшипникового завода – и ей там понравилось. «Девушки в офисе, – писала она, – были общительными; у них был клуб, в который меня пригласили вступить. Большинство девушек занимались вышивкой или вязанием, набивая сундуки с приданым».

Осенью 1920 года Кэтрин исполнилось 18, однако она не спешила обзаводиться семьей – слишком уж ей нравилась ночная жизнь. «Я никакого приданого себе не готовила, – писала она, – так что, пока девочки были заняты делом, я играла на пианино и пела популярные в те дни песни».

Грейс Фрайер тоже оказалась достаточно смысленной, чтобы сообразить, что к чему. К росписи циферблатов она всегда относилась как к временной работе: было важно помочь военным, однако для человека с ее способностями это далеко не предел мечтаний. Она метила высоко и очень обрадовалась, когда ее приняли в престижный банк Fidelity в Ньюарке. Она любила поездки до своего офиса; с аккуратно собранными темными волосами и элегантными жемчужными

бусами на шее, она была готова взяться за ожидающую ее работу.

Как и новые коллеги Кэтрин, девушки в банке оказались общительными. Грейс была «из тех девушек, что любили танцевать и смеяться», и вместе со своими новыми подружками с работы она зачастую устраивала безалкогольные вечеринки – в январе 1920 года приняли Сухой закон. Грейс нравилось в свободное время плавать – она устремляла свое изящное тело вперед в местном бассейне, поддерживая себя в форме. Будущее казалось ей светлым – и она была в этом не одинока. Альбина Маггия в Орандже наконец повстречала своего мужчину.

Было так здорово начать с кем-то встречаться после стольких лет. Как раз когда она начала ощущать себя уже слишком старой – ей было двадцать пять, а в то время девушки обзаводились мужьями гораздо раньше, да еще в придачу внезапно стало беспокоить левое колено, – он наконец нашелся: Джеймс Ларис, иммигрировавший из Италии каменщик, прибывший в США в семнадцать лет. Он был героем войны, получившим «Пурпурное сердце» и знак «Дубовые листья». Альбина позволила себе начать мечтать о браке и детях, о том, чтобы наконец покинуть отчий дом.

Ее сестра Молли тем временем не ждала, пока за ней придет какой-нибудь рыцарь в блестящих доспехах. Независимых взглядов, уверенная в себе и все еще незамужняя, она покинула семью и сняла жилье в доме для женщин на Хайленд-авеню, обсаженной деревьями улице в Орандже с прекрасными отдельно стоящими домами. Молли все еще продолжала работать в радиевой компании. Она была одной из немногих оставшихся там девушек, однако блистательно справлялась и не собиралась увольняться. Каждое утро она направлялась на работу, полная энергии и энтузиазма, чего нельзя было сказать про ее коллег. Маргарита Карлоу, раньше всегда веселая, говорила, что все время чувствует усталость. Хейзел Винсент настолько переутомлялась, что решила уйти. Они с Тео еще не успели пожениться, так что она заполучила работу в компании «Дженерал электрик».

Но со сменой обстановки ей лучше не стало. Хейзел понятия не имела, что с ней не так: она теряла в весе, ощущала слабость, и у нее до жути болела челюсть. Она была так обеспокоена своим состоянием, что в итоге попросила штатного врача в новой компании обследовать ее, однако он не смог поставить диагноз.

Если она и была в чем-то уверена, так это в том, что причина ее плохого самочувствия – не работа с радием.

В октябре 1920 года о радиевой компании заговорили в местных новостях. Остатки породы после выделения радия напоминали песок, и компания избавлялась от этих промышленных отходов, продавая их школам и игровым площадкам для наполнения песочниц; подошвы детской обуви становились белыми от контакта с ним, а один маленький мальчик пожаловался маме на жжение на руках. Тем не менее фон Зохоки уверял, что песок для детских игр был «крайне гигиеничным», а также «более полезным, чем целебные грязи знаменитых оздоровительных курортов».

Кэтрин Шааб уж точно без малейших колебаний вернулась в радиевую компанию, когда ей в ноябре 1920 года предложили заняться обучением новых работников в студиях компаний по производству часов. Они базировались главным образом в Коннектикуте, в том числе в компании Waterbury Clock. Кэтрин обучила множество девушек методике, которой пользовалась сама: «Я научила их, – рассказывала она, – класть кисть себе в рот».

Новые девушки радовались возможности работать с радием, так как всеобщее помешательство на нем продолжалось, достигнув своего пика с приездом в США Марии Кюри в 1921 году. В январе того же года, в рамках непрекращающегося освещения радия в прессе, фон Зохоки написал статью о нем для журнала American. «Радий таит в себе величайшую силу в мире, – высказал он свое мнение. – В микроскоп можно увидеть вихри, мощные, невидимые силы, способы применения которых, – признал он, – нам еще не известны». В завершение он добавил читателям интриги: «Уже сейчас радий открыл для нас невероятные возможности, однако никто не может предсказать, что он откроет для нас завтра».

И вправду, никто не мог ничего предсказать, включая и самого фон Зохоки. Одного конкретного события он уж точно не ожидал: летом 1921 года его изгнали из его же собственной компании. Сооснователь фирмы, Джордж Уиллис, продал значительную часть своих акций финансовому управляющему компании, Артуру Роедеру. Вскоре после этого обоих врачей бесцеремонно исключили из совета директоров в результате корпоративного поглощения. Переименованную в Радиевую корпорацию Соединенных Штатов (USRC) компанию, казалось, ждало великое будущее в послевоенном мире, однако управлять ею теперь предстояло не фон Зохоки.

В освободившееся президентское кресло грациозно проскользнул Артур Роедер.

Глава 5

Молли Маггия осторожно просунула язык в пустое пространство между зубами. Ой. Стоматолог удалил разболевшийся зуб еще несколько недель назад, однако ей до сих пор было невероятно больно. Она вздрогнула и вернулась к своим циферблатам.

В студии стояла непривычная тишина – так много девушек ушло. Дженни Стокер и Ирен Рудольф попали под сокращение, а двоюродная сестра Ирен Кэтрин уволилась во второй раз. Вместе с Эдной Больц они ушли расписывать циферблаты для Luminite Corporation – еще одной базирующейся в Ньюарке радиевой фирмы. Из первоначальных девушек остались, по сути, лишь сестры Смит и Карлоу – ну и сама Молли. Самым же печальным, с ее точки зрения, было то, что Элла Экерт ушла, чтобы устроиться в универмаг. Студия определенно не была прежним местом с тех пор, как у руля встал Роедер.

Молли закончила очередной ящик циферблатов и встала, чтобы отнести его мисс Руни. Вопреки ее воле язык так и норовил скользнуть в дырку от зуба. Боль была такой надоедливой. Она решила, что если вскоре ей не полегчает, то она снова пойдет к стоматологу – причем к другому, который сможет понять, что именно с

ней не так.

В октябре 1921 года она записалась к доктору Джозефу Кнефу, стоматологу, которого ей порекомендовали как эксперта в необычных болезнях полости рта. Молли не могла дождаться приема. Вот уже несколько недель боль в нижней десне и челюсти была настолько сильной, что она еле терпела. Когда доктор Кнеф провел ее в своей кабинет, Молли отчаянно надеялась, что он сможет ей помочь. Казалось, тот первый стоматолог сделал только хуже.

Кнеф был высоким смуглым мужчиной средних лет, в очках с черепаховой оправой. Он аккуратно потрогал десны и зубы Молли и покачал головой, осматривая место, где раньше был удаленный предыдущим стоматологом зуб. Хотя прошло уже больше месяца с тех пор, как его вырвали, рана так и не зажила. Кнеф изучил воспаленные десны и слегка потрогал зубы, которые, казалось, немного шатались. Он энергично кивнул, уверенный, что нашел причину проблемы. «Я лечил ее, – позже рассказал он, – от пиореи». Это было тогда крайне распространенное воспалительное заболевание, затрагивавшее ткани вокруг зубов. У Молли наблюдались все симптомы. Кнеф был уверен, что благодаря его профессиональному уходу ей вскоре непременно станет лучше.

Лучше ей, однако, не стало. «Лечение не помогало, – вспоминал Кнеф, – и состояние девушки все ухудшалось».

Ей было ужасно, ужасно больно. Молли удалили еще несколько зубов – Кнеф пытался остановить распространение инфекции, избавившись от источника болезненных ощущений, однако полость рта не заживала. В оставшихся от зубов дырках появились еще более неприятные язвы, причинявшие боль сильнее, чем зубы.

Молли не сдавалась и продолжала работать в студии, хотя класть кисть в рот теперь было крайне неприятно. Маргарита Карлоу, которая полностью поправилась, пыталась с ней поболтать, однако Молли почти ничего не отвечала. Ее беспокоили не только больные десны, о которых она, казалось, все время думала, но и неприятный запах изо рта, сопровождавший воспаление.

Стоило ей открыть рот, как оттуда вырывался противный запах, которого она до жути стыдилась.

В конце ноября 1921 года ее сестра Альбина вышла замуж за Джеймса Лариса. Свадьбу сыграли за день до второго дня рождения дочки Кинты, и невеста упивалась забавными кривляньями своей племянницы и мыслями о собственном материнстве. Она представляла, как вскоре у них с Джеймсом появятся свои малыши.

Не обошлось и без тучи на горизонте, омрачавшей счастье молодоженов: это была Молли. Хотя Альбина теперь редко с ней виделась, так как они жили далеко друг от друга, все сестры Молли не могли не переживать из-за ее ухудшающегося состояния. Прошли недели, и теперь у девушки болел не только рот, но и совершенно не связанные с ним участки тела. «У моей сестры, – вспоминала Кинта, – начались проблемы с зубами и нижней челюстью, а также губами и ступнями. Мы думали, что это все ревматизм». Врач назначил ей аспирин и отправил домой на Хайленд-авеню.

Что ж, по крайней мере, она жила вместе со специалистом. Ее соседкой была 50-летняя Эдит Мид, профессиональная медсестра, и она, как могла, заботилась о Молли. Только вот ничего из того, чему ее учили, не могло помочь ей разобраться с этой болезнью. Она в жизни не видела ничего подобного. Ни Кнеф, ни семейный врач Молли, ни Эдит, казалось, были не в состоянии вылечить Молли. С каждым приемом приходил очередной солидный счет от врача, однако, сколько бы Молли ни тратила денег, толку от этого не было.

На самом деле, чем больше Кнеф старался помочь – а он применял ряд «экстремальных методов лечения», – тем Молли становилось только хуже: сильнее беспокоили зубы, десны и язвы. Порой Кнефу даже не приходилось выдирать у нее зубы, они выпадали сами. Что бы он ни делал, остановить этот разрушительный процесс не удавалось.

А иначе как разрушительным его было и не назвать. Рот Молли буквально разваливался на части. Она пребывала в постоянной агонии, и лишь местное болеутоляющее могло принести хоть какое-то облегчение. Для Молли, любившей повалять дурака, это было невыносимо. Если раньше ее широкая улыбка сияла на все лицо, то теперь ее было не узнать: все больше и больше зубов выпадало. Впрочем, ей в любом случае было слишком больно, чтобы улыбаться.

Минуло Рождество, начался новый год, и врачи решили, что наконец вычислили ее таинственную болезнь. Язвы во рту... чрезвычайная усталость... молодая одинокая девушка живет отдельно от родителей. Что ж, это было просто очевидно. Двадцать четвертого января 1922 года врачи взяли у нее анализы на сифилис, «болезнь Купидона» – заболевание, передающееся половым путем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/mur_keyt/radievye-devushki-skandal-noe-delo-rabotnic-fabrik-poluchivshih-dozu-radiacii-ot-novomodnoy-svetyascheysya-kraski

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)